

Н. Е. Никитина

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ИНТЕРКАЛЯЦИИ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПРИ АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Специфика авторского перевода заключается в том, что данный процесс происходит в пределах единого сознания творческой билингвальной языковой личности, когда автор сознательно становится читателем собственного текста, активизируя механизмы билингвизма и автокоммуникации. Видимо, те же механизмы способствуют проявлениям межъязыковой интерференции.

Лингвист А. Е. Карлинский, занимающийся вопросами теории языковых контактов и двуязычия, понимает под **интерференцией** «случаи отклонения от нормы в речи билингва на вторичном языке (Я2), возникшие под влиянием первичного (Я1)» [4, с. 153]. Обратное явление влияния Я2 на Я1 он называет **интеркаляцией** [4, с. 153].

Билингвальный аспект авторского перевода подразумевает учёт явлений интерференции и интеркаляции. Анализ белорусскоязычных художественных текстов В. Быкова («Сотнікаў»), В. Козько («Суд у Слабадзе») и И. Мележа («Мінскі напрамак») и их авторских переводов на русский язык показал, что белорусская морфологическая система доминирует над русской в сознании исследуемых писателей (**15** примеров интерференции и **36** – интеркаляции).

Например, отмечено незначительное количество языковых нарушений на морфологическом уровне, которое приходится на случаи употребления страдательных причастий прошедшего времени мужского рода в краткой форме: *раён умацаван* (вместо *умацаваны*); *перашыек начынен мінамі* (вместо *начынены*); *здымак надрукаван* (вместо *надрукаваны*). Все они характерны лишь для исходных текстов, что позволяет говорить об их интеркаляционном характере.

Описанные примеры перекликаются с единичным случаем употребления в исходном тексте краткого прилагательного, что также не свойственно современному белорусскому языку: *я незадаволен* (вместо *незадаволены*).

Полное причастие *прыціхішы* (*строй*) омонимично форме белорусского деепричастия, что делает употребление причастия в данной форме нежелательным [2, с. 378]. В современном литературном белорусском языке более предпочтительна форма причастия с суффиксом **-л-** (*прыціхлы*).

По моделям русских причастий образованы формы (*разам з*) *кіруючым* (людом); *наступаючымі* (часцямі); (*ты*) *некурашчы*. Два первых примера в форме И. п. единственного числа мужского рода (*кіруючы, наступаючы*) омонимичны деепричастиям, поэтому их употребление не характерно для белорусского литературного языка [2, с. 377]. Суффикс **-ашч-** в последнем примере (*некурашчы*) является «заимствованием» из русского языка суффикса **-аш-**. Как утверждает П. В. Стецко, в советское время эти чужие модели были перенесены в белорусский язык из русского, где подобные образования широко использовались в книжных стилях под влиянием старославянского языка [8, с. 48]. В связи с этим можно с большой долей вероятности отнести нарушения в образовании белорусских причастий в исходных текстах к проявлениям билингвизма авторов-переводчиков.

Примером интеркаляции на морфологическом уровне является также **1** случай образования формы Р. п. ед. ч. существительного *маці*: *Як у чырвонаармейскай мацеры* (бел. *маці*).

Интерференция проявляется в **11** примерах при употреблении следующих форм слов:

1) Р. п. мн. ч. существительного *сын*: *Человека своего схоронила, сынов* (русск. *сыновей*) *выправила воевать, батька твой пошёл на войну.* [5, с. 485];

2) звательная форма существительного *сын*: – *Сынку* (русск. *сын*), – *потрясённо и радостно сказала мать, – откуда ж ты прилетел, голубок?* [7, с. 49];

3) Р. п. ед. ч. существительного *лёд*: – *Как они горели, как они молили: таточка, лёду* (русск. *льда*)... [5, с. 434];

4) Р. п. мн. ч. существительного *день*: *Прибился ко мне в войну один хлопчик годков восьми, так я за ним доглядала, по хатам ходила, просила куска хлеба до последних его дён* (русск. *дней*). [5, с. 485];

5) Д. п. местоимения *ты*: – *День добры табе* (русск. *тебе*), *Захарья!* [5, с. 427];

6) прош. вр. м. р. глагола *сбежать*: – *Сбег* (русск. *сбежал*) *ты, значит, кинул меня одного, – Захарья подсел к Летечке и достал из-за голенища деревянную ложку, подул на неё, старательно обтёр рукавом бушлата.* [5, с. 455];

7) повел. накл. ед. ч. глагола *бежать*: «*Ты чего, – говорю ему, – украл, так бежи* (русск. *беги*)...» [5, с. 499] и др.

Интерференция на уровне словообразования представлена **тремя** примерами: *Что напраслину узводишь* (русск. *возводишь*)? [5, с. 485]; *А у тебя, Захарья, сакера, так и украсти* (русск. *украсть*) *такую не грех.* [179, с. 499]; – *День добры* (русск. *добрый*) *табе, Захарья!* [5, с. 427]).

К проявлениям интеркаляции относится **1** случай словообразовательных нарушений: – *Уязджайце, уязджайце* (бел. *ад'язджайце*) *нямедленна, – накінулася яна на пажарнікаў яшчэ здалёку* [3, с. 39].

Некоторые примеры интерференции имеют отклонения одновременно на нескольких уровнях. Кроме того, интерференция может затрагивать фонетический и словообразовательный уровни (ё вместо е + суффикс **-а** вместо **-о** в слове категории состояния): *И в вачах тёмна...* [5, с. 499].

Лишь **1** пример интеркаляции характеризуется нарушениями на нескольких уровнях – морфологическом и лексическом (русская лексема + суффикс **-а**, характерный для русских деепричастий): *Сматра каму вораг...* [1, с. 378].

Кроме того, анализ показал, что на морфологическом уровне интерференция с большой долей вероятности носит намеренный характер, так как встречается лишь в прямой и несобственно-прямой речи. Интеркаляция на морфологическом уровне отличается спонтанностью, поскольку более распространена в словах автора (31 случай из 36).

Таким образом, согласно процентному соотношению, авторы-переводчики допускают нарушения языковых норм при трансформации в среднем 3 единиц морфологического уровня из 100 вследствие взаимовлияния систем белорусского и русского языков в пределах сознания билингвальной языковой личности.

Значительное преобладание примеров спонтанной интеркаляции свидетельствует о доминировании белорусской морфологической системы над русской в сознании авторов-переводчиков. Подтверждение этой мысли находим у Я. Коласа, который писал: «Русский язык не может вызвать в таком полном объёме, когда я пишу, тех ощущений, тех чувств и той колоритности, которые свойственны белорусскому языку, белорусским картинам, в каком даёт белорусский язык, с молоком матери вошедший в мою природу» [6, с. 22].

Список использованной литературы

1. Быкаў, В. У. Сотнікаў / В. У. Быкаў // Поўны зб. тв. : у 14 т. – Мінск : Саюз беларускіх пісьменнікаў ; М. : ТАА «Выдавецтва «Время», 2005. – Т. 3 : Аповесці. – С. 351–510.
2. Граматыка беларускай мовы : у 2 т. / рэд. : К. К. Атраховіч (Крапіва), М. Г. Булахаў. – Мінск : Выдавецтва АН БССР, 1962. – Т. 1 : Марфалогія. – 1962. – 540 с.
3. Казько, В. А. Суд у Слабадзе / В. А. Казько. [Электронный ресурс]. – 2002. – 151 с. – Режим доступа : <http://kamunikat.org/8643.html?lang=PL&pubid=18656>. – Дата доступа : 10.02.2023.
4. Карлинский, А. Е. Взаимодействие языков : билингвизм и языковые контакты / А. Е. Карлинский. – Алматы : КазУМОиМЯ, 2011. – 264 с.
5. Козько, В. А. Судный день / В. А. Козько // Судный день : повести. – М. : Мол. гвардия, 1988. – С. 378–524.

6. Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1977. – Т. 13 : Письмы 1908–1949. – 679 с.

7. Мележ, И. П. Минское направление : роман : в 3 кн. : пер. с бел. авт. / И. П. Мележ. – М. : Сов. писатель, 1973. – 760 с. – С. 1–165.

8. Сцяцко, П. У. Культура мовы / П. У. Сцяцко. – Мінск : Тэхналогія, 2002. – 444 с.